

оценить роль суда при рассмотрении дела по существу.

В заключение хотелось бы отметить, что поправки, внесенные в ст. 237 УПК РФ, являются своевременными, научно обоснованными, отве-

чающими потребностям правоприменительной практики. Вместе с тем думается, что реформирование исследуемого института будет продолжено и потребует пересмотра целого ряда положений российского уголовно-процессуального закона.

Библиографический список

1. О внесении изменений в статьи 236 и 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : федер. закон от 21 июля 2014 г. № 269-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2014. – № 30, ч. 1. – Ст. 4270.
2. По делу о проверке конституционности положений статей 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 и 408, а также глав 35 и 39 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросами судов общей юрисдикции и жалобами граждан : постановление Конституц. Суда Рос. Федерации от 8 дек. 2003 г. № 18-П // Рос. газ. – 2003. – 25 дек.
3. О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : постановление Пленума Верхов. Суда Рос. Федерации от 5 марта 2004 г. № 1 // Рос. газ. – 2004. – 25 марта.
4. По делу о проверке конституционности положений статей 237, 413 и 418 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом президиума Курганского областного суда : постановление Конституц. Суда Рос. Федерации от 16 мая 2007 г. № 6-П // Вестн. Конституц. Суда Рос. Федерации. – 2007. – № 3.
5. По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Республики Узбекистан Б. Т. Гадаева и запросом Курганского областного суда : постановление Конституц. Суда Рос. Федерации от 2 июля 2013 г. № 16-П // Рос. газ. – 2013. – 12 июля.
6. Тришева, А. А. Возвращение судом уголовного дела прокурору: практика и новая позиция КС РФ / А. А. Тришева, Н. Ю. Решетова // Уголов. процесс. – 2013. – № 11. – С. 10–19.

УДК 343.2(470+571)

**ЛИЧНЫЕ СУБЪЕКТИВНЫЕ ПРАВА ГРАЖДАН
И ИХ РЕАЛИЗАЦИЯ В УГОЛОВНОМ КОДЕКСЕ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**
**Subjective Personal Rights of Citizens and Their Implementation
in the Criminal Code of the Russian Federation**

А. Н. Берестовой – доцент кафедры уголовного права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия, кандидат юридических наук, доцент (г. Санкт-Петербург)

A. N. Berestovoy – Associate Professor of the Criminal Law Department of the North-West Branch of the Russia State University of Justice, Candidate of Law Sciences, Associate Professor (Saint Petersburg)

Аннотация. В статье поднимается проблема реализации личных субъективных прав человека в уголовно-правовых отношениях. На основе анализа философской, социологической и уголовно-правовой литературы делается оригинальный вывод, отображающий видение автора относительно рассматриваемой проблемы. Особое внимание при этом уделяется обстоятельствам, исключаяющим преступность деяния как одного из основных институтов, посредством которого происходит реализация личных субъективных прав человека в УК РФ.

The paper deals with the problem of implementation of subjective personal human rights in criminal and legal relationship. On the basis of the analysis of the literature in philosophy, sociology and criminal

law the author comes to the original conclusion reflecting his own vision of the problem considered. Subsequently, the special attention is paid to the circumstances excluding criminality as one of the basic institutes through which the realization of subjective personal human rights according to the RF CC takes place.

Ключевые слова: *личные субъективные права, обстоятельства, исключающие преступность деяния, необходимая оборона, охрана общественных отношений.*

Subjective personal rights, circumstances excluding criminality, necessary defence, social relations protection.

Определение общего понятия обстоятельств, исключающих преступность деяния, имеет важное научное и практическое значение. Главная роль такого понятия – отразить то объективно реальное, что характеризует эти обстоятельства. «Определить понятие того или иного явления – значит раскрыть его важнейшие решающие черты, которые в своем единстве отражали бы его качественное своеобразие и одновременно отличали его от смежных явлений», – пишет Д. А. Керимов [3, с. 64].

Признаки, составляющие сущность любого понятия и включаемые в его определение, могут быть разнопорядковыми, разноуровневыми. Это замечание относится, прежде всего, к понятиям, характеризующим явления, которые регулируются правом вообще и уголовным правом в частности. Их специфика состоит в том, что все явления и понятия в праве являются не просто социальными, а социально-правовыми. Из этого методологического вывода вытекает и ряд требований, предъявляемых к определению понятий обстоятельств, исключающих преступность деяния. Во-первых, поскольку они суть определенные поступки людей, то вполне логично выявить именно те их специфические признаки, которые характеризуют данные поступки прежде всего с внешней стороны, позволяя тем самым выделить их из всей массы совершаемых социально-правовых поступков, не имеющих отношения к предмету исследования. Во-вторых, учитывая, что всякий человеческий поступок характеризуется социальным содержанием, возникает необходимость в установлении признаков, определяющих социальное содержание обстоятельств, исключающих преступность деяния. В-третьих, принимая во внимание, что рассматриваемые поступки находятся в сфере права, обязательным признаком их общего понятия являются признаки юридической формы. В-четвертых, учитывая, что данные обстоятельства находятся

в сфере уголовного права, естественно выделять признаки, характеризующие уголовно-правовые последствия их совершения.

Таким образом, чтобы определить понятие обстоятельств, исключающих преступность деяния, следует выделить, назвать и описать ряд признаков, относящихся к разным сторонам и уровням этого понятия. При этом, как справедливо замечает А. Б. Сахаров, необходимо, чтобы эти признаки указывали на главные, основные свойства рассматриваемых обстоятельств, а именно на исключение преступности деяния [9, с. 112].

Необходимо иметь в виду и то, чтобы признаки относились ко всем обстоятельствам, исключающим преступность деяния. Последние представляют собой сознательные и волевые поступки человека. Так, необходимая оборона – это поведение гражданина, выразившееся в причинении посягающему вреда с целью защиты правоохраняемых интересов. Точно так же выполнение профессиональных обязанностей заключается в каком-то объективно выраженном поступке определенного лица, совершенного с какой-то общественно полезной целью. И в том и другом случае это обычные поведенческие акты человека. Однако их необходимо отличать от оснований совершения рассматриваемых поступков.

В самом деле, если необходимая оборона представляет собой причинение посягающему вреда, то ее основанием служит общественно опасное посягательство, вызывающее необходимость его немедленного предотвращения или пресечения. Равным образом крайняя необходимость также выражается в причинении вреда определенным интересам, в то время как ее основанием выступает грозящая опасность правоохраняемым благам, неустраняемая в данной обстановке иными средствами, и т. д. Отмечаемое различие между поступком и основанием его

совершения отражает объективную реальность, когда вначале возникает некое внешнее событие, процесс, явление и т. п., которое затем вызывает необходимость совершения в ответ на это того или иного поступка, связанного с причинением вреда. Очевидно, что такое основание должно быть достаточно весомым, способным оправдать причинение вреда наиболее важным ценностям личности и общества.

Рассматриваемые основания представляют собой, как правило, исключительные по содержанию, сложные по составу и объективные по характеру факты реальной действительности, вызывающие и оправдывающие совершение правомерных поступков, связанных с причинением вреда объектам уголовно-правовой охраны. Отсутствие необходимого основания исключает возможность совершения такого поступка. Изложенное позволяет сделать вывод, что каждое обстоятельство, исключающее преступность деяния, представляет собой единство правомерного поступка и присущего ему основания.

Известно, что внешне выраженное поведение (а именно только оно и попадает в сферу права) проявляется в практических (физических) действиях людей или является словесным. Учитывая это, можно заключить, что обстоятельства, исключающие преступность деяния, представляют собой такие поступки человека, которые выражаются либо в активном поведении (действии), либо в пассивном (бездействии).

Закрепляя рассматриваемые обстоятельства, уголовный закон указывает лишь на неправомерный характер тех или иных действий и, по существу, не раскрывает их социальную и юридическую природу. Для правильного понимания сущности обстоятельств, исключающих преступность деяния, важнейшее значение имеет вопрос о содержании понятия преступления, поскольку эти обстоятельства представляют собой поступки, внешне подпадающие под его признаки. Внешнее сходство данных поступков с преступлениями порождает для государства необходимость установления специальных узаконений таких поступков. Сущность таких узаконений заключается в признании неправомерными и, следовательно, исключающими уголовную ответственность тех или иных действий, причинивших вред, если эти действия совершены при наличии определенных, указанных в законе, условий. Таким образом, можно констатировать, что правовая природа обстоятельств, исключа-

ющих преступность деяния, противоположна правовой природе преступления.

Раскрывая понятие преступления, ст. 14 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) называет в числе основных его признаков общественную опасность и противоправность. В силу прямого указания, содержащегося в ч. 2 ст. 14 УК РФ, действия лица, которые формально с внешней стороны содержат признаки какого-либо предусмотренного законом деяния, но в силу малозначительности не представляющие общественной опасности, не являются преступлениями. Ввиду отсутствия общественной опасности такие действия, следовательно, не являются и уголовно-противоправными, поскольку, как справедливо отмечается в литературе, «противоправность есть форма, внутреннее, материальное содержание которой составляет общественная опасность» [6, с. 23]. Следовательно, совершенное деяние может рассматриваться как преступление лишь при совпадении общественной опасности и уголовной противоправности. Отсутствие хотя бы одного из этих признаков не позволяет, стало быть, говорить о преступлении.

Какой же признак отсутствует в содержании обстоятельств, исключающих преступность деяния? Содержащийся в литературных источниках ответ на этот вопрос не является однозначным. Отдельные авторы полагают, что названные обстоятельства характеризуются отсутствием общественной опасности. «Действия, подпадающие под признаки деяния, предусмотренного Особенной частью уголовного законодательства, не являются преступлением только в силу отсутствия признака общественной опасности», – пишет Е. В. Благов [2, с. 74]. Другие исследователи указывают, что отсутствие общественной опасности характерно только для некоторых обстоятельств, исключающих преступность деяния, в частности для необходимой обороны и задержания лица, совершившего преступление. Все же иные обстоятельства этого рода не лишены общественной опасности. Так, В. Н. Козак пишет, «что действия, совершенные при выполнении профессиональных обязанностей, исполнение приказа, обоснованный риск не лишены такого признака преступления, как общественная опасность, в них отсутствует лишь уголовная противоправность, поэтому они не могут рассматриваться в качестве обстоятельств, исключающих общественную опасность деяния» [4, с. 52]. Ана-

логичную точку зрения высказывает и В. Н. Ткаченко [10, с. 23]. С ним солидаризируется, по существу, и В. А. Михайлов, который указывает, что в случае обстоятельств, исключающих преступность деяния, законодатель не устанавливает уголовного запрета на причинение вреда и такие деяния не являются преступлениями в силу отсутствия противоправности [8, с. 64].

Из приведенных точек зрения следует, прежде всего, что их сторонники противопоставляют друг другу общественную опасность и противоправность. В принципе, как отмечается в литературе, возможно несовпадение этих признаков в одном и том же деянии. Будучи взаимосвязанными между собой, они тем не менее относительно самостоятельны. Самостоятельность общественной опасности, отмечает В. М. Галкин, заключается в неполном совмещении ее с уголовной противоправностью: общественно опасное деяние по различным причинам может быть и не признано преступным в силу, например, неосознания законодателем общественной опасности, упущения, неоперативности законодательного реагирования и т. п. В свою очередь, то или иное деяние может оказаться, в силу той же самостоятельности, уголовно-противоправным, не будучи общественно опасным. Однако в данном случае применительно к рассматриваемым обстоятельствам, исключающим преступность деяния, речь идет о другом, а именно о том, что отдельные из них, представляя собой правомерные поступки, могут, по мысли вышеуказанных авторов, являться общественно опасными по своему социально-политическому содержанию. Таким образом, характеризуя природу обстоятельств, исключающих преступность деяния, следует, на наш взгляд, исходить из того, что они лишены как общественной опасности, так и противоправности.

Многие авторы при характеристике рассматриваемых обстоятельств указывают также на их общественную полезность. Между тем, как отмечается в литературе, правомерное поведение субъекта помимо общественно полезного может быть также социально допустимым и общественно приемлемым [5, с. 95]. Отнесение поведения к тому или иному из указанных видов зависит, прежде всего, от его содержания, включающего в себя как фактический характер совершенного поступка, так и его социальное значение. «Правомерное поведение, – пишет Ю. В. Баулин, – в зависимости от социально-политического со-

держания закрепляемого им поступка может характеризоваться как общественно полезное, так и допустимое (приемлемое). Это суждение непосредственно относится к рассматриваемым обстоятельствам, при которых в отдельных случаях поступки, исключающие преступность, действительно не являются общественно полезными» [1, с. 39].

С этим мнением нельзя не согласиться. В реальной жизни в большинстве случаев действия, связанные с осуществлением актов необходимой обороны, крайней необходимости, обоснованного риска, будучи правомерными, всегда являются и общественно полезными, однако в других случаях такая полезность отсутствует. Поэтому вряд ли правомерно все обстоятельства, исключающие преступность деяния, наделять признаком общественной полезности.

Преступность или, наоборот, неправомерность деяния может устанавливаться только уголовным законом. Из этого следует, что нормы, закрепляющие неправомерность тех или иных поступков, т. е. устанавливающие отдельные виды обстоятельств, исключающих преступность деяния, могут принадлежать только к области уголовного права. Между тем в литературе высказываются мнения о межотраслевом характере этих норм. Так, например, Ю. В. Баулин пишет, что «к обстоятельствам, исключающим преступность деяния, относятся правомерные поступки, внешне подпадающие под признаки какого-либо преступления, предусмотренные не только уголовным, но и другими отраслями права» [1, с. 53]. По его мнению, необходимая оборона, крайняя необходимость и задержание лица, совершившего преступление, регулируются нормами уголовного права, применение оружия – нормами административного права, выполнение профессиональных функций – трудового и т. п.

Но коль скоро это действительно так, то высказанное выше мнение о межотраслевом характере таких норм представляется явно необоснованным. То обстоятельство, что правоотношения в сфере исполнения профессиональных обязанностей регулируются нормами трудового права, вовсе не означает, что этой же отрасли права определяется неправомерность причинения вреда при их исполнении в определенной ситуации. В отношении упомянутого Ю. В. Баулиным применения оружия следует сказать, что его порядок действительно регулируется нормами админи-

стративного права. Но вопрос о правомерности или неправомерности его применения в случае наличия ситуации необходимой обороны или задержания лица, совершившего преступление, или, что то же самое, о преступности или неправомерности причинения вреда в результате применения оружия, будет решаться исключительно на основе уголовно-правовых норм, регламентирующих право необходимой обороны или задержание лица, совершившего преступление. Нормы административного права, определяющие порядок применения оружия, к этой ситуации никакого отношения иметь не могут.

По вопросу отраслевой принадлежности норм, устанавливающих те или иные виды обстоятельств, исключающих преступность деяния, в частности, в отношении необходимой обороны, в литературе высказана и иная, достаточно нетрадиционная точка зрения. Ю. Ляпунов и А. Истомин пишут: «Уголовные правоотношения – это, прежде всего, властеотношения. Такие отношения правомерные действия отдельных граждан не порождают и в принципе породить не могут. Общеизвестно, что уголовно-правовые отношения есть особая форма фактических негативных, конфликтных отношений, возникающих в связи с совершением преступлений. Но пресечение преступлений – деятельность полезная, поощряемая. Следовательно, здесь не могут возникнуть уголовно-правовые отношения, в рамках которых реализуется уголовная ответственность» [7, с. 3]. Из этого рассуждения авторы делают вывод о том, что «уголовное право как в своих отдельных нормах, так и во всей совокупности правовых норм не может выражать, определять социально-юридическую сущность общественно полезного поведения граждан, каковым является необходимая оборона» [7]. Необходимая оборона, по их пониманию, является одним из основных прав человека и подлежит закреплению в норме конституционного права.

Такая точка зрения означает, по существу, отказ в признании необходимой обороны институтом уголовного права, с чем нельзя согласиться. Разумеется, уголовное право – это, прежде всего, система норм об уголовной ответственности, реализация которой осуществляется в рамках уголовно-правового отношения. Однако речь идет в данном случае об основании уголовно-правового отношения, возникающего между государством и лицом, совершившим преступление.

Нормы же уголовного права помимо определения действий (бездействия), являющихся преступлениями, и условий наступления ответственности за их совершение и ее пределов устанавливает также и условия ненаступления ответственности за совершение определенных действий, в частности, при необходимой обороне.

Нормы, закрепляющие обстоятельства, исключающие преступность деяния, являются правоустанавливающими, и в этом смысле совершение действий, предусмотренных этими обстоятельствами, представляет собой осуществление своего права. Осуществление своего права – «комплексное правовое понятие, охватывающее правомерное поведение, реализуемое в рамках предоставленных ему законом правомочий», – пишет В. М. Михайлов [8, с. 62]. При осуществлении субъективного права лицо реализует правомочие, составляющее его содержание. О том, что положения о необходимой обороне, крайней необходимости, обоснованном риске и др. – это право граждан, высказываются почти все исследователи рассматриваемой проблемы. В то же время в юридической литературе весьма распространенным является также тезис о том, что для отдельных категорий граждан, в частности для работников полиции, военнослужащих, сотрудников противопожарной службы и т. п., эти положения являются правовой обязанностью.

Это мнение представляется нам недостаточным обоснованным. Названные категории должностных лиц при исполнении ими обязанностей по службе действуют в пределах круга своих обязанностей, очерченных в соответствующих уставах, инструкциях, наставлениях и т. п., и в своей служебной деятельности не вправе отступать от установленных в них требований. Для отражения опасности, возникшей при исполнении своих функций, они имеют соответствующую подготовку, экипировку, профессиональную выучку. Однако их готовность отражать опасность рассчитана на типичные случаи ее возникновения. Но, как справедливо замечает В. М. Михайлов, ситуации необходимой обороны, крайней необходимости и др. не вписываются в рамки обычной профессиональной деятельности [8, с. 63]. И если в данной обстановке спасение жизни или сохранение здоровья должностных лиц возможно путем нарушения их обязанностей, они, как представляется, вправе использовать такую возможность.

Библиографический список

1. Баулин, Ю. В. Обстоятельства, исключающие преступность деяния / Ю. В. Баулин. – Харьков : Основа : Изд-во при Харьк. ун-те, 1991. – 360 с.
2. Благов, Е. В. Квалификация деяний, исключающих уголовную ответственность / Е. В. Благов // Гос-во и право. – 1992. – № 9. – С. 78–83.
3. Керимов, Д. А. Философские проблемы права / Д. А. Керимов. – М. : Мысль, 1972. – 472 с.
4. Козак, В. Н. Вопросы теории и практики крайней необходимости / В. Н. Козак. – Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 1981. – 154 с.
5. Кудрявцев, В. Н. Правовое поведение: норма и патология / В. Н. Кудрявцев. – М. : Наука, 1982. – 287 с.
6. Курс советского уголовного права : в 6 т. / Ин-т гос-ва и права Рос. акад. наук ; ред. А. А. Пионтковский. – М. : Наука, 1970–1971. – Т. 2 : Часть Общая. Преступление. – 1970. – 516 с.
7. Ляпунов, Ю. Социально-правовая природа института необходимой обороны / Ю. Ляпунов, А. Истомин // Законность. – 1994. – № 4. – С. 2–4.
8. Михайлов, В. М. О социально-юридическом аспекте содержания обстоятельств, исключающих преступность деяния / В. М. Михайлов // Гос-во и право. – 1995. – № 12. – С. 59–69.
9. Сахаров, А. Б. Обстоятельства, исключающие уголовную ответственность / А. Б. Сахаров // Совет. гос-во и право. – 1987. – № 11. – С. 111–118.
10. Ткаченко, В. И. Теоретические основы необходимой обороны и квалификация преступлений, совершенных при превышении ее пределов : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / В. И. Ткаченко. – М., 1983. – 36 с.

УДК 34.343

**НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ
УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ
ЗА НЕЗАКОННУЮ ДОБЫЧУ (ВЫЛОВ)
ВОДНЫХ БИОЛОГИЧЕСКИХ РЕСУРСОВ**
**Some Problems of Criminal Liability
for Illegal Extraction of Biological Water Resources**

О. С. Поздеева – доцент кафедры уголовного права Уральского юридического института МВД России, кандидат юридических наук, доцент (г. Екатеринбург)

O. S. Pozdeeva – Associate Professor of the Criminal Law Department of the RF Interior Ministry Ural Law Institute, Candidate of Law Sciences, Associate Professor (Yekaterinburg)

Аннотация. В статье акцентировано внимание на проблемах, возникающих при квалификации признаков объективной стороны состава преступления (ст. 256 Уголовного кодекса Российской Федерации), а также предлагаются пути дальнейшего совершенствования данной уголовно-правовой нормы.

In this article the attention is focused on the problems arising from qualification of signs of the objective party of a crime structure (Art. 256 of the Criminal Code of the Russian Federation); the ways of further improvement of this criminal rule of law are offered as well.

Ключевые слова: экологические преступления, квалификация, водные биологические ресурсы, среда обитания, добыча, вылов, орудия лова.

Ecology crimes, qualification, biological water resources, habitat, extraction, the tool of fishing.